

УДК 322

К вопросу об историко-теоретическом соотношении политического, правового и религиозного идеалов

Н. А. Обухова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Рассматривается вопрос о историко-теоретическом соотношении политического, правового и религиозного идеалов.

Ключевые слова: естественное право, теория правового государства, правосознание, православие, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин.

Именно в наши дни в политической области поднимаются самые острые и сложные проблемы. Вместо перспективы всеобщего умиротворения снова, как и прежде, пред человечеством открывается неведомое и неопределенное будущее. Возможно, задача, которая была поставлена политике, в сущности, имеет в виду не одну политику, а все средства общественного воздействия на человека, и что в общем ее формулировании следует отличать абсолютный идеал от его относительного воплощения в жизни. Именно к такому пониманию политической проблемы и приводит последовательное развитие философии права.

Древнегреческая философия поставила осуществление общественного идеала на абсолютную основу: в величайшем своем выражении у Платона и Аристотеля она стремилась к установлению идеала неизменной совершенной справедливости, и для того чтобы практически этого достигнуть, она считала необходимым в основу общения положить элементы особенно совершенные и отделить их непроходимой гранью от остального несовершенного мира. В строгом обособлении и полном самоудовлетворении немногих счастливых избранных судьбы видели Платон и Аристотель разрешение политической задачи. Но ясно, что именно эта исключительность осуждала их идеал на бесплодность. Это не было разрешение задачи в ее общем виде. Напротив, в самой основе предложенного идеала заключался отказ от справедливого устроения всех: это был идеал для немногих.

В противоположность древнегреческому партикуляризму, средневековый теократический идеал, прежде всего, подчеркивает начало вселенской правды и вселенского единства. Согласно евангельскому завету «и будет едино стадо и один пастырь», средневековая теократия только в общем объединении всех под сенью церкви видела достижение своей цели. Перспективы тут бесконечно расширялись и относились, по-видимому, к самому далекому будущему, но и этот возвышенный идеал сочетался с мыслью о его скорей-

шем осуществлении. Когда кажется, что желанный идеал всеобщего единства уже близок, уже готов осуществиться, и когда сопротивление иначе мыслящих представляется досадной помехой к осуществлению всеобщего грандиозного плана, создателями такого единства овладевает страстное желание поскорее устранить ошибки и заблуждения немногих во имя спасительного единства всех. Так средневековая теократическая идея переходит в проповедь принудительного универсализма, и великий принцип всеобщего устройства увенчивается страшной практикой инквизиции.

В отличие от этого принудительного универсализма, Новое время в результате сложного и длинного процесса, которым шло развитие теории правового государства, приходит к идее свободного универсализма. Оно сохраняет в определении идеала справедливости мысль о всеобщем объединении человечества, но относит осуществление этой цели в бесконечность. Таким образом, освобождая общественный идеал от исключительности и партикуляризма, Новое время отбрасывает и мысль о его скорейшем достижении путем принуждения. Принцип принуждения ставится здесь в связь не с высшими задачами нравственной солидарности и совершенного общения, а исключительно с целями правовой охраны.

Вследствие этого он получает существенно иной характер, чем идеал совершенной автаркии или абсолютной теократии: он не притязает на окончательное решение политической проблемы, а стремится указать лишь путь к ее постепенному разрешению в идее правовой организации. Вместе с тем и формы политического устройства, предлагаемые этим идеалом, утрачивают абсолютный смысл и приобретают характер временного и подчиненного средства нравственной культуры. Их настоящая сила усматривается в их связи со всеми другими средствами культурного развития. В этом отношении теория правового государства еще более решительно, чем древнегреческая или средневековая доктрина, говорит: разрешение социального вопроса дается не одной политикой, а всеми средствами нравственного прогресса, ибо для нее не существует абсолютных политических формул и форм.

Не безусловное совершенство, а лишь возможное устройство жизни на основе права обещает новая теория, конечный же идеал блистает перед нею вдали, как недостижимое созвездие. В связи с этой переменной основного взгляда на осуществление идеала в жизни, демократическая теория Нового времени исходит из убеждения, что справедливость может быть осуществлена только снизу, общей волей всех граждан. Не принесенный извне, хотя бы и самый мудрый идеал, а идеал, органически выросший из мысли и воли народной, является нормальным основанием для устройства общественной жизни. И лишь тогда идеальное устройство какого бы то ни было общества или народа станет прочным, когда и вокруг него все общества и народы проникнутся началами правды и мира, когда невидимая цепь свободного универсализма могущественно свяжет всех в один союз.

Идеал, выросший из мысли и воли народной, может быть осуществлен через русское понимание православия. Ведь православие, как и каждое другое религиозное исповедание, являясь определенной системой догматов и

положений веры, в то же время есть и культурное творчество известного народа. Поэтому и рассматривать его можно не только с точки зрения догматической и богословской, но и с точки зрения культурно-исторической и религиозно-философской.

Подобно каждому другому народу и мы, русские, вносим в понимание нашей веры особые, национальные черты. Об этом русском понимании православия говорит П. И. Новгородцев в очерке «Существо русского православного сознания», но здесь с самого начала необходимо иметь в виду следующее: если каждая форма религиозного сознания стремится быть близкой к своему первоисточнику, то в православии это стремление проявляется с особенной ясностью и настойчивостью. Русское православие, сколько ни носит оно национальный отпечаток, главную силу свою полагает в своей верности Божественной своей первооснове и первоначальным апостольским и святоотеческим учениям. Оно полагает, что существо его определяется прежде всего его соответствием вечной и всеобщей основе, и что самая ценная особенность русского религиозного сознания заключается именно в том, что ему суждено было всего чище сохранить дух Христова учения.

Особенности русского православного сознания не в том, что это наше, русское сознание, а в том, что это – сознание, оставшееся в некотором удивительном согласии с духом первоначального христианства, отмечает Павел Иванович.

Для русского православного созерцания прежде всего характерно то, как воспринимается и оценивается здесь начало любви. Во всех христианских исповеданиях заповедь любви является основной и определяющей, – без этого они и не были бы христианскими. Но в то время как в других исповеданиях, особенно в протестантском, проявляется склонность придавать этой заповеди скорее моральный характер, в православии она получает подлинный религиозно-мистический смысл. По православному сознанию любовь есть больше, чем обычное свойство нравственно-доброй человеческой воли: любовь есть чудо. И в качестве чуда любовь и творит чудеса, и невозможное делает возможным. И именно потому, что это не человеческое лишь свойство, а дар свыше, дар Божией милости. Это не просто любовь, а любовь во Христе, просвещенная и перерожденная соприсутствием Божьей благодати. Любовь во Христе имеет это благодатное свойство возвышать отдельное человеческое сознание от единичности, оторванности и обособленности к соборности, целостности и вселенскости. Все эти понятия – любовь, соборность, целостность, вселенскость – для православного понимания однозначности, каждое вытекает из другого, и все вместе они содержатся в понятии любви во Христе.

Но все эти понятия в русском православии получают еще и дальнейшее углубление в направлении связи и единства человечества. Благодатное творческое действие любви проявляется также и в том, что оно просветляет человеческое сознание чувством всеобщей и всецелой взаимной ответственности. Настоящая христианская любовь приводит человека к убеждению, что «всякий пред всеми, за всех и за все виноват». Это замечательное и глубокомыс-

ленное утверждение Достоевского как нельзя лучше раскрывает ту идею всеобщей солидарности и всеобщей ответственности людей друг за друга, которая так свойственна православному сознанию. Подобно тому, как Христос совершил дело искупления всего человечества, а не отдельных каких-либо людей и не одного какого-либо народа, подобно тому, как явление на земле, страдания, крестная смерть и воскресение Сына Божия имеют не только субъективное, моральное, но также и объективное, мировое значение, так высший жребий связал и дальнейшую судьбу человечества на земле единством реальной круговой солидарности и ответственности. Не может быть так, чтобы отдельные люди или народы только для себя приобретали заслуги и только за себя отвечали: все живут для всех и все отвечают за всех.

В понимании права и государства человечеству предстоит пережить глубокое обновление. Должен быть окончательно отвергнут губительный предрассудок о «внешней» природе права и государства; должна быть усмотрена и усвоена их «внутренняя», душевно-духовная сущность. Право только «проявляется» во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силою объективной ценности. Государство в своем осуществлении «предполагает» наличность множества телесно разъединенных людей, территорий и внешних вещей, но именно человеческая душа остается тою средою, в которой зарождается, зреет, протекает и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого.

Вне духовного состояния множества индивидуальных душ государства нет и быть не может: государственное состояние людей есть прежде всего и главное всего их духовное состояние. Если право имеет полноту бытия, то только через правосознание, т. е. через право-чувствование, право-воление, право-мышление и, наконец, право-деяние. Если государство имеет полноту бытия, то только через душевно-духовное переживание и осуществление людьми его цели и его средств, его содержания и его формы. В истинном и полном смысле слова, – права и государства нет вне множества индивидуальных, но связанных постоянным общением правосознаний.

Именно этим определяется связь государственности со всей духовной культурой народа и особенно с его религиозной культурой. Настоящая религиозность утверждает в душе человека аксиоматические корни правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к автономной жизни и искусство признавать духовное начало в других людях. Пробуждая в душе духовную зримость и оживляя в ней силу любви, религиозность ведет человека к патриотизму, к культу солидарности, к взаимному духовному уважению и доверию, – ибо все эти состояния рождаются именно через союз духовного разума с чувством любви. Религиозность несет правосознанию все свои дары: и высшее призвание, и абсолютное мерило ценности, цельность характера, и силу вдохновения, жизненный героизм.

Это значит, что в душе религиозного человека пробуждаются именно те самые благородные силы, которые необходимы для процветания благородной государственности. Идея религиозного гражданина не только не таит в себе

внутреннего противоречия, но есть одна из величайших идей, с которыми человечество имеет дело. Религиозный гражданин соединяет в душе своей силу подлинной религиозности с силою здорового и верного правосознания, и притом так, что правосознание его является зрелым проявлением его религиозности.

Соединяясь с правосознанием, религия находит новый могучий путь для преобразования жизни; соединяясь с религиозностью, правосознание придает себе безусловную основу, утверждая «волю к духу» как волю к Богу. Из этой атмосферы восстают и религиозные вожди народов, и безвестные герои-патриоты, безмолвно отдающие свою жизнь за родину. С углублением и упрочением этой атмосферы связано будущее всех государств и всего человечества.

Итак, истинная религия не враждебна истинной государственности; она не уводит от нее, но ведет к ее расцвету. Встреча двух «царств» в душе человека органически необходима и духовно плодотворна. Человечество должно возобновить свою тысячелетнюю работу над органическим примирением «царства Божия» с политическим строительством. Но обрести это примирение нельзя ни посредством новой «синкретической» идеологии, ни посредством внешнего соединения «государства» с «церковью» или нескольких «вероисповеданий» между собою. Здесь необходим не новый способ «устройства», а новый способ жизни.

Этот новый способ духовной жизни может быть обретен и осуществлен только в результате великого общечеловеческого подъема и длительного напряжения, которое примет черты религиозного обновления и политического обновления сразу. Сущность его будет состоять в восстановлении подлинного и непосредственного общения с безусловным предметом и потому в освобождении и обновлении духовного способа жизни. Живым и подлинным, страдающим и вдохновенным опытом должны быть обновлены личностно-душевные корни нашей религии – христианства и корни исторической государственности – правосознания, об этом говорит в своих трудах И. А. Ильин, к мнению которого стоит прислушаться.

Попытка сместить российскую правовую систему в плоскость иных ценностей и чисто механически перенести на российскую почву западноевропейскую концепцию прав и свобод человека, основанную на естественно-правовой доктрине, может привести к глубокому кризису в российском правосознании, в конечном счете – к девальвации самой идеи прав и свобод человека и гражданина, следовательно, признавая значение разработанной западноевропейской мыслью системы прав и свобод человека и гражданина; мы должны искать ее собственное обоснование, дополнять ее теми идеями, насыщать идеалами, которые определяются особенностями русского духа. Не освещенные российской духовностью, конституционные права и свободы человека обречены в России на чисто формальное существование.

1. *Ильин И. А.* Теория государства и права. М., 2008.

2. *Новгородцев П. И.* Существо русского православного сознания. Сочинения М., 1995.

3. *Новгородцев П. И.* Политические идеалы древнего и нового мира: Очерки по истории философии права. М., 1914.

1. *Ilyin I. A.* State and Law theory. М., 2008.

2. *Novgorodtsev P. I.* The essence of the Russian Orthodoxal consciousness. Essays. М., 1995.

3. *Novgorodtsev P. I.* Political ideals of ancient and modern world: Essays on the history of philosophy of law. М., 1914.

On the Issue of Historical and Theoretical Correlation of Political, Legal and Religious Ideals

N. A. Obukhova

Moscow State University of M. V. Lomonosov, Moscow

The research work examines the issue of historical and theoretical correlation of political, legal and religious ideals.

Key words: natural law, constitutional state theory, legal awareness, the Orthodoxy, Novgorodtsev, Ilyin.

Обухова Наталья Андреевна – аспирант кафедры философии политики и права, философского факультета МГУ им. Ломоносова, Москва, e-mail: best008@rambler.ru

Obukhova Natalia Andreyevna – Postgraduate Student of the Department of Philosophy of Politics and Law, the Faculty of Philosophy, the Moscow State University of M. V. Lomonosov, Moscow, e-mail: best008@rambler.ru